

II.

Воспоминаніе о Г. Тейхмюллерѣ.

Lass nicht ungerühmt mich zu den
Schatten hinabgehn!

(Goethe).

Хотя Г. Тейхмюллеръ и не писалъ по русски, и потому не можетъ въ прямомъ смыслѣ быть причисленъ къ русскимъ философамъ, но онъ вмѣлъ въ Россіи множество учениковъ по дерптскому университету, гдѣ онъ состоялъ 18 лѣтъ профессоромъ философіи. Изъ числа его учениковъ нѣкоторые стали специалистами и сами дѣйствуютъ нынѣ въ качествѣ профессоровъ философіи въ Императорскихъ Россійскихъ университетахъ, какъ Я. Ф. Осе въ Юрьевѣ, пишущій эти строки—въ Казани (ранѣе въ Юрьевѣ) и до него въ Казани же В. Ф. Лютославскій (нынѣ въ Испаніи). Вотъ почему я и рѣшился дать Г. Тейхмюллеру мѣсто въ своей книгѣ по исторіи философіи въ Россіи

Когда я болѣе, чѣмъ добрыхъ полтора десятка лѣтъ тому назадъ собирался въ Дерптъ (куда меня манила возможность всецѣло посвятить себя изученію философіи на существовавшемъ тогда специальномъ отдѣленіи философіи при историко-филологическомъ факультетѣ) и естественно интересовался, кто въ тамошнемъ университетѣ философъ, который станетъ моимъ руко-

водителемъ въ занятіяхъ, то я услыхалъ въ отвѣтъ совершенно мнѣ неизвѣстное и чуждое имя Тейхмюллера. А я и тогда уже не считалъ себя совершеннымъ профаномъ въ философіи. Еще въ гимназій я читалъ философскія и богословскія книги (между прочимъ проштудировалъ Куно Фишера „Исторію новой философіи“ въ переводѣ покойнаго Н. Н. Страхова), прослушалъ курсъ философіи въ Казанскомъ университетѣ у нынѣшняго моего уважаемаго сотоварища по каедрѣ, проф. А. И. Смирнова, не пропускалъ ни одной философской статьи въ журналахъ, состоялъ подписчикомъ перваго на Руси философскаго журнала „Философскій Трехмѣсячникъ“ А. А. Козлова, зналъ имена разныхъ германскихъ профессоровъ философіи Рила, Лааса, Авенариуса, Горвича и присныхъ, но о Тейхмюллерѣ не слыхивалъ. Теперь дѣло обстоитъ иначе: въ обращеніи среди русской читающей публики уже пущено около полутысячи экземпляровъ переводовъ сочиненій Тейхмюллера, о немъ появились цѣлыя статьи, выходятъ книги его учениковъ. Теперь русскій читатель, слѣдящій за философской литературою даже и на одномъ русскомъ языкѣ, имѣетъ возможность услышать о Тейхмюллерѣ и даже ознакомиться съ его ученіемъ. И мнѣ пріятно думать, что этотъ успѣхъ въ нѣкоторой степени обязанъ моимъ личнымъ усиліямъ.

Изъ всѣхъ чисто русскихъ специалистовъ по философіи я—единственный личный ученикъ Тейхмюллера. Всякая подробность жизни замѣчательнаго человѣка заслуживаетъ почтительнаго и заботливаго сохраненія. Я давно уже чувствую потребность и какбы нравственный долгъ изложить мои воспоминанія о Тейхмюллерѣ, моемъ незабвенномъ учителѣ. Въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени, когда мнѣ удастся выполнить свое намѣреніе болѣе обстоятельно, я пользуюсь настроеніемъ, навѣяннымъ на меня 10-мъ маемъ с. г., годовщиной его смерти, чтобы набросать кое-что изъ того, что хранится въ моей памяти относительно Тейхмюллера. Прежде чѣмъ

я коснусь своихъ личныхъ отношеній къ нему, я напомнимъ нѣсколько общихъ біографическихъ данныхъ.

Густавъ Августовичъ Тейхмюллеръ родился въ Брауншвейгѣ 19 ноября 1832 г. Его отецъ былъ офицеръ, его мать происходила изъ семейства, глава котораго имѣлъ какое-то мѣсто въ придворномъ штатѣ. Любопытно, что это родство несомнѣнно отражалось въ нашемъ мыслителѣ, своеобразно сказываясь въ немъ его невольнымъ и глубокимъ почтеніемъ предъ титулами и званіями. Онъ получилъ очень хорошее воспитаніе, проявившееся въ свѣтскости и изяществѣ его манеръ. Учился Тейхмюллеръ сначала въ гимназій своего родного города и еще на школьной семьѣ заинтересовался философскими вопросами, а именно теорією эстетики, съ которою первоначально ознакомился по Гегелю, а потомъ слѣдуя совѣту учителя, и по первоисточнику—по Аристотелю. Съ 1852 года молодой Тейхмюллеръ посвятилъ себя спеціальному изученію философіи въ Берлинскомъ университетѣ подъ руководствомъ знаменитаго Тренделенбурга, автора „Логическихъ изслѣдованій“. Эта встрѣча имѣла рѣшающее значеніе для направленія занятій студента и для первыхъ шаговъ его литературной карьеры.

Адольфъ Тренделенбургъ, одинъ изъ преемниковъ по каюдрѣ Гегеля, принадлежалъ къ числу жестокихъ противниковъ его. Съ другой стороны, не будучи въ силахъ создать собственнаго философскаго направленія, онъ былъ замѣчательнымъ зватокомъ философской литературы и по справедливости долженъ считаться однимъ изъ основателей нынѣшней точной историко-философской методы (столь прославленный въ наши дни трудами Эдуарда Целлера), которую онъ прилагалъ, преимущественно, къ изученію Аристотеля и отношенія его мыслей къ позднѣйшимъ доктринамъ („исторія категорій“). Если принять во вниманіе, что въ Германіи, да и въ другихъ странахъ среди представителей философіи нынѣ господствуетъ

пристрастіе къ занятіямъ *исторіею* философіи предпочтительно передъ философскимъ оригинальнымъ творчествомъ въ противоположность системнымъ увлеченіямъ философовъ, современниковъ Гегеля и Шеллинга, то намъ станетъ ясно, какую большую роль игралъ въ этомъ поворотѣ интересовъ философскаго изслѣдованія—Тренделенбургъ, смѣнившій на Берлинской, вліятельной кафедрѣ и Гегеля, и Шеллинга. Сообразно направленію своего учителя, и Тейхмюллеръ засѣлъ за Аристотеля, Платона и другихъ греческихъ мудрецовъ, за изученіе фактовъ. Но весьма интересно, что Тренделенбургъ, самъ челоѣкъ факта, не былъ одностороннимъ. Онъ направилъ вниманіе своего ученика, кромѣ филологіи, также на естественныя науки и посовѣтовалъ ему заниматься анатоміею, фізіологіею и проч. Благодаря такому руководительству, изъ Тейхмюллера выработался съ одной стороны усидчивый классикъ-филологъ, стяжавшій себѣ впоследствии почетное имя (имя Тейхмюллера занесено въ спеціальный списокъ нѣмецкихъ филологовъ); съ другой стороны, Тейхмюллеръ вышелъ большимъ любителемъ и (для неспеціалиста) знатокомъ естествоѣдѣнія: его лекціи изобиловали примѣрами изъ области естественныхъ наукъ. Намъ извѣстно, что Тейхмюллеръ вплоть до самой смерти усердно посѣщалъ нѣкоторыя лекціи по естественнымъ и медицинскимъ наукамъ.

Въ 1856 г. Тейхмюллеръ получилъ въ Халле степень „доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ“. Но періодъ беззаботнаго изученія наукъ безъ необходимости практической дѣятельности окончился для него еще ранѣе. По смерти отца онъ остался безъ денегъ и принужденъ былъ зарабатывать себѣ средства къ существованію, долженъ былъ искать мѣста. Подобно весьма многимъ нѣмецкимъ философамъ, онъ началъ съ мѣста домашняго учителя и воспитателя дѣтей.

Въ 1855 г. онъ поступилъ на службу въ домъ генерала Вертера, который въ слѣдующемъ году былъ назначенъ въ

Петербургъ германскимъ посланникомъ. Въмѣстѣ съ семейю Вертера Тейхмюллеръ пріѣхалъ въ Россію. Черезъ 2 года онъ покинулъ свое мѣсто и поступилъ учителемъ греческаго и нѣмецкаго языковъ въ училище при лютеранской церкви св. Анны. Въ женскомъ отдѣленіи того же училища молодой докторъ философіи преподавалъ педагогику; и вотъ одна изъ ученицъ, плѣненная его краснорѣчіемъ и эрудиціею, стала его женою. Въ 1860 г. Тейхмюллеръ вернулся за границу и поступилъ приватъ-доцентомъ въ Гёттингенскій университетъ, гдѣ свелъ дружбу со знаменитымъ философомъ Г. Р. Лодце и съ Г. Риттеромъ, извѣстнымъ въ свое время авторомъ многотомной исторіи философіи.

Жизнь приватъ-доцентовъ при германскихъ университетахъ, не получающихъ, кромѣ гонорара отъ слушателей, никакого пособія или жалованья, вообще не красна, если они, подобно Тейхмюллеру, не имѣютъ собственныхъ средствъ. Пошли дѣти, а начинающему ученому приходилось ютиться съ семейю въ одной комнатѣ. Онъ самъ рассказывалъ намъ, какъ бывало за однимъ и тѣмъ же столомъ и за одною лампою его жена убаюкивала младенца, а онъ сидѣлъ съ неизмѣнною книгою, по большей части, съ греческими текстами Аристотеля, котораго онъ проштудировалъ отъ доски до доски. Потомъ, когда средства явились, и его тестъ, очень богатый помѣщикъ, сталъ помогать Тейхмюллеру, новое тяжелое горе посѣтило его: умерла его пѣжно и горячо любимая молоденькая жена...

Потрясенный этой смертію Тейхмюллеръ, предпринялъ для разсѣянія въ 1862 г. большое путешествіе на востокъ, которое длилось около 1½ лѣтъ. По возвращеніи въ Гёттингенъ онъ возобновилъ свою педагогическую дѣятельность, пользовавшуюся большимъ успѣхомъ. Но только въ 1867 г. онъ добился званія экстраординарнаго профессора. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ приглашеніе ординарнымъ про-

фессоромъ въ Базель, гдѣ онъ завязалъ многочисленныя и пріятныя сношенія. О базельской порѣ своей жизни онъ всегда въ послѣдствіи вспоминалъ, какъ о пріятнѣйшемъ времени.

Въ 1870 году совѣтомъ дерптскаго университета Тейхмюллеръ былъ выбранъ на кафедру философіи на мѣсто выслужившаго 25 лѣтъ и провалившагося на вторичныхъ выборахъ гербартовца Штрюмпеля, нынѣ доживающаго свой долгій вѣкъ въ Лейпцигѣ почетнымъ профессоромъ. Въ Юрьевѣ Тейхмюллеру суждено было уже оставаться до конца своихъ дней. Здѣсь онъ написалъ всѣ свои наиболѣе замѣчательные труды. Скончался онъ 10 мая 1888 года послѣ долговременныхъ жесточайшихъ страданій. Вскрытіе показало ракъ желудка и расширение послѣдняго. Если не ошибаюсь, желудокъ его былъ сохраненъ въ числѣ препаратовъ юрьевского университетскаго патолого-анатомическаго театра.

Тейхмюллеръ былъ очень плодовитымъ писателемъ. Онъ написалъ всего около 20 томовъ сочиненій (не все написанное имъ издано и напечатано), не считая мелкихъ статей и рецензій въ повременныхъ изданіяхъ. Но его сочиненія (кромя „Безсмертія души“) не приносили ему почти никакого матеріальнаго заработка.

Его литературная дѣятельность распадается на три періода. Сначала, онъ, повидимому, не думалъ стать системнымъ философомъ. Все написанное имъ до Юрьева вѣрно тренделенбурговой традиціи и посвящено Аристотелю. Затѣмъ онъ расширяетъ лишь область своихъ занятій по исторіи философіи на досократиковъ и Платона. Въ этомъ направленіи онъ, какъ извѣстно, достигъ блестящихъ результатовъ; онъ разбилъ господствовавшее целлерово пониманіе платонизма и возсоздалъ философію Анаксимандра и Гераклита. Мало по малу онъ переходитъ и къ системной философіи, правда, высказываясь по случайнымъ поводамъ. Такъ „Безсмертіе ду-

ши“, „Сущность любви“, „Эмансипация женщин“—циклы публичных лекцій съ благотворительной цѣлью; „Дарвинизмъ и философія“,—актовая рѣчь, возникшая изъ споровъ и собесѣдованій съ великимъ естествовѣдомъ К. Э. Бэрромъ, который жилъ въ Дерптѣ на покоѣ. Только въ своей „Метафизикѣ“ Тейхмюллеръ выходитъ на настоящую дорогу. Хотя онъ и послѣ этого отвлекается въ сторону исторіи философіи (преимущественно, по вопросу о хронологіи платоновыхъ діалоговъ) но онъ успѣлъ самъ еще издать „Философію религіи“, гдѣ представилъ весьма оригинальную систему раздѣленія религій. Въ послѣдніе годы онъ работалъ надъ обширнымъ трудомъ „Теологіею“ или философскимъ ученіемъ о Богѣ съ точки зрѣнія истинно-христіанской метафизики. Этой задачи онъ не успѣлъ выполнить. Часть этого труда, касающаяся „Новыхъ основоположеній психологіи и логики“ была издана послѣ его смерти однимъ изъ его учениковъ. Нынѣ готовится къ изданію другая часть этого посмертнаго труда, оставшаяся почти въ окончательно обработанномъ видѣ, именно „Философія исторіи“.

Со стороны внутренней или со стороны содержанія литературныхъ произведеній Тейхмюллера, онъ долженъ быть разсматриваемъ какъ историкъ философіи, и какъ системный мыслитель. Эти двѣ стороны его дѣятельности идутъ параллельно и довольно независимо другъ отъ друга, хотя и имѣютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія. Какъ историкъ философіи, онъ, выступивши первоначально ученикомъ Тренделенбурга и приверженцемъ его методы, разработалъ и усовершенствовалъ ее, придавъ ей характеръ „исторіи понятій“. Научная извѣстность Тейхмюллера за границей покоится, преимущественно, на этихъ историческихъ работахъ. Ни одно изслѣдованіе, появляющееся о Платонѣ и Аристотелѣ, либо объ Анаксимандрѣ и Гераклитѣ, не обойдется безъ разсчета съ теоріями Тейхмюллера. Но знающіе Тейхмюллера, какъ исто-

рика философіи, подчасъ совершенно не знаютъ его же, какъ мыслителя.

Гораздо менѣе (сравнительно) извѣстна его система. И здѣсь первоначально сказалось вліяніе Тренделенбурга, правда, отрицательно—въ смыслѣ предохраненія Тейхмюллера отъ увлеченія модною тогда Гегелевщиной и прочими отгѣнками универсализма. Но уже въ „Безсмертіи души“ онъ заявляетъ себя членомъ „той вольной общины, направленіе которой обозначается именами Лейбница и Лопце“. Я не стану здѣсь характеризовать его философскаго направленія, отчасти потому, что я уже касался этого вопроса въ своей книгѣ „О понятіи искусства“, а отчасти и потому, что въ моей статьѣ „О главнѣйшихъ философскихъ направленіяхъ“ („Философія и литература“ томъ I, № 2) это направленіе охарактеризовано мною подъ именемъ „критическаго индивидуализма“ (самъ Тейхмюллеръ называетъ его „персонализмомъ“). Для популярнаго ознакомленія очень удобна книжка самого Тейхмюллера „Безсмертіе души“, вышедшая въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ подъ моею редакціей. Самое лучшее, что написано о Тейхмюллерѣ, это—статья нашего высокоуважаемаго русскаго мыслителя А. А. Козлова въ „Вопросахъ философіи и психологіи“, въ 24-й и 25-й книжкахъ за 1894 годъ. Тамъ представленъ краткій сводъ ученій Тейхмюллера, какъ мыслителя, и какъ историка, и блестяще охарактеризовано значеніе его дѣятельности. Для знакомыхъ съ итальянскимъ языкомъ я могу указать еще (не совсѣмъ удовлетворительную) монографію Filippo Masci—Un metafisico antievolutionista, Napoli, 1887.

Послѣ этого краткаго очерка, составленнаго нами отчасти по оффиціальнымъ и печатнымъ даннымъ, отчасти же по рассказамъ самого Тейхмюллера и его устнымъ намъ сообщеніямъ, мы позволимъ себѣ обратиться къ запасу своихъ лич-

ныхъ воспоминаній—на сей разъ, главнымъ образомъ, о дѣятельности Тейхмюллера, какъ преподавателя.

Тейхмюллеръ читалъ общіе курсы по исторіи философіи и логикѣ (также и педагогикѣ) въ самой большой аудиторіи № 5 для студентовъ двухъ факультетовъ: богословскаго и историко-филологическаго. Но и эта самая обширная аудиторія не вмѣщала въ себѣ всѣхъ желающихъ, несмотря на не особенно удобный, послѣобѣденный часъ (4—5 пополудни). На этихъ лекціяхъ намъ случалось видѣть (и очень часто) студентовъ другихъ факультетовъ, медиковъ, юристовъ, естественниковъ, аккуратно посѣщавшихъ курсы и не пропускавшихъ ни одной лекціи. Тейхмюллеръ читалъ, или вѣрнѣе, „сказывалъ“ свои лекціи, стоя на кафедрѣ, вѣроятно, по причинѣ своего малаго роста, не позволявшаго ему сидѣть, ибо въ противномъ случаѣ кафедра закрывала бы его лицо отъ слушателей. Читалъ (по крайней мѣрѣ, общіе, неспеціальные курсы) безо всякихъ конспектовъ или тетрадей въ силу совершеннаго обладанія и предметомъ, и рѣчью. Лекціи обильно пересыпались объяснительными примѣрами изъ области естественныхъ наукъ, исторіи или изъ обыденныхъ отношеній, а также шутками и островами. По своему живому и непосѣдливому характеру и изъ желанія лучше видѣть своихъ слушателей Тейхмюллеръ постоянно перебѣгалъ отъ одной стороны кафедры къ другой, причемъ обѣ руки держалъ въ карманахъ брюкъ. Эта поза въ соединеніи съ постоянною улыбкой на устахъ придавала ему такой видъ, какъ будто свое трудное дѣло чтенія популярно-философской лекціи онъ дѣлаетъ шутя, „играючи“. Это даже шокировало нѣкоторыхъ,—преимущественно, тѣхъ людей, которые привыкли видѣть въ философѣ нѣкоего іерофанта, съ подобающею важностью и серьезомъ изрекающаго какія-то темныя, высокоумныя и непонятныя рѣчи. Такіе люди, несомнѣнно, предпочли бы на мѣстѣ Тейхмюллера видѣть какого-либо педанта, неподвижно возсѣдающаго на

каедрѣ и торжественно возглашающаго свою мнимую мудрость, недоступную непосвященнымъ. Съ этой стороны и создана была, вѣроятно, Тейхмюллеру кличка „der Begriffsspieler“ (игрокъ понятіями), и отсюда же исходило мнѣніе о Тейхмюллерѣ, какъ о человѣкѣ безъ всякихъ убѣжденій, и только необычайно ловкомъ діалектикѣ (на манеръ скептика Карнеада), готоваго что-угодно защищать и pro, и contra—тогда какъ трудно было найти человѣка, обладавшаго болѣе оригинальными и ясно сформулированными мнѣніями, и болѣе убѣжденнаго въ правотѣ ихъ, какъ именно Тейхмюллеръ.

Съ внѣшней стороны чтеніе Тейхмюллера было прекрасно и доставляло положительное наслажденіе. Чтеніе было очень естественно, ударенія были логичны, строй рѣчи весьма простой. Немного непріятно дѣйствоваль только голосъ—крикливое фистульное сопрано (въ общественномъ разговорѣ у Тейхмюллера былъ хрипловатый жиденскій тенорокъ); но и это сопрано поражало только въ началѣ.

Съ внутренней стороны изложеніе философскихъ доктринъ было безупречно и отличалось необычайною ясностью и общепонятностью. Хотя общіе курсы въ нѣмецкихъ университетахъ читаются вообще доступно и элементарно, но изложеніе Тейхмюллера выдавалось, какъ своею популяренностью, такъ и глубокимъ содержаніемъ, не страдавшимъ отъ популяризаціи, что обличало большой талантъ оратора.

Въ старомъ дерптскомъ университетѣ не водилось литографированныхъ курсовъ: каждый студентъ велъ свою записку, свою тетрадь (Heft). Хотя я по приѣздѣ въ Дерптъ и достаточно хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, но всетаки не былъ еще въ состояніи записывать слышанное прямо по нѣмецки. Поэтому я дѣлалъ въ умѣ моментальный переводъ на русскій языкъ и записывалъ по русски главные мысли лекціи въ ихъ постепенномъ развитіи, не пропускавая ничего сущест-

веннаго. По счастливой случайности въ моихъ бумагахъ сохранилось начало перваго слышаннаго мною у Тейхмюллера курса по исторіи новой философіи. Уцѣлѣвшій листъ содержитъ вступленіе въ этотъ курсъ: объясненіе значенія и цѣли изученія философіи и ея исторіи и общія понятія объ историческихъ и историко-философскихъ методахъ. Чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ изящной легкости и доступной даже ребенку образцовой популяризаціи философіи, я приведу нѣсколько отрывковъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были записаны мною на лекціяхъ Тейхмюллера въ первый семестръ моихъ занятій въ Юрьевскомъ университетѣ.

Первый вопросъ, подлежащій нашему разрѣшенію въ началѣ этого курса, есть: какое значеніе имѣетъ философія, и для чего ее изучать? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтимъ, что знанія вообще—раздѣляются на 1) знанія спеціальныя, нужныя для того, чтобы занять какое-либо положеніе, и 2) знанія общеобразовательныя. Знанія послѣдняго рода подраздѣляются въ свою очередь на 4 разряда: I) знанія *религіозныя*. Человѣкъ отличается отъ прочихъ животныхъ, преимущественно, тѣмъ, что имѣетъ религію; у животныхъ нѣтъ религіи. Человѣкъ же немислимъ безъ религіи, или онъ есть просто животное, скотина. II) Знанія *этическія*, регулирующія отношенія человѣка къ подобнымъ и самому себѣ. Продуктомъ этихъ знаній является характеръ: образованный человѣкъ немислимъ безъ характера. III) *Искусство*, какъ выраженіе жизни или отношенія человѣка къ жизни. Правда, не всякій можетъ и самъ быть художникомъ. Продуктомъ изученія искусствъ является *вкусъ*. Вкусъ сказывается въ отношеніи къ произведеніямъ искусства. Кто съ одинаковымъ чувствомъ читаетъ Гёте и какого-нибудь риемо-

плѣта, тотъ не имѣетъ вкуса, и стало быть, необразованъ. IV) Такъ какъ человѣкъ—существо познающее, то нарождаются спеціальныя науки. Но есть одна наука, принимающая въ расчетъ требованія всѣхъ наукъ и занимающаяся изслѣдованіемъ всѣхъ научныхъ методовъ и основныхъ понятій. Частныя науки, употребляя общія понятія, не изслѣдуютъ ихъ сами, а берутъ ихъ изъ общей сокровищницы языка, такъ сказать, на прокатъ. Этими „леммами“ и занимается наука-философія. Отсюда понятна важность изученія философіи. Изучивъ эту науку, мы уже сознательно будемъ употреблять общія понятія и въ жизни, и въ спеціальныхъ наукахъ, будемъ знать ихъ настоящее значеніе и способъ ихъ происхожденія въ разумѣ. Замѣтимъ, что въ составъ воспитанія и обученія всегда и во всѣ времена входятъ нѣкоторые элементы случайные и переменные, какъ уступка модѣ и духу эпохи. Но перечисленные четыре элемента постоянны, встрѣчаются вездѣ и всегда, во всякомъ настоящемъ воспитаніи и не могутъ быть исключаемы изъ него.

Но не замѣняетъ ли религію философія, или наоборотъ? Находятся люди, считающіе одновременное существованіе религіи и философіи излишнею роскошью. Одни полагаютъ, что религія уже даетъ отвѣтъ на философскія задачи; другіе думаютъ, что философское изслѣдованіе упраздняетъ вѣру. Но дѣло въ томъ, что религіи безъ богословія и богоученія не встрѣчается (развѣ лишь у квакеровъ). Богословіе же есть совокупность двухъ элементовъ: религіи и философскаго изслѣдованія. Обыкновенно: нѣтъ религіи, нѣтъ и богословія,— нѣтъ богословія, нѣтъ и религіи; эти элементы неразрывны,— и несправедливо сравненіе религіи и философіи съ ягнемомъ и волкомъ, запертыми въ одну овчарню. Мы видимъ на протяженіи исторіи цѣлые вѣка, когда философія была покорною служанкой религіи. Самая богословская догматика есть продуктъ философіи. Да и понынѣ въ католическихъ стра-

нахъ религія предписываетъ законы и наукѣ, и философіи. Такимъ образомъ, если уже говорить о главенствѣ и подавленіи, то скорѣе религія можетъ подавлять философію, а не наоборотъ. Но религія иногда и не можетъ обходиться безъ услугъ философіи. Такъ въ наше время скептицизмъ и невѣріе все выше и выше поднимають голову. Иной и хотѣлъ бы вѣрить, да вѣра не подчиняется одной лишь волѣ. На какой же почвѣ можетъ религія бороться со скептицизмомъ, какъ не на почвѣ философіи, какъ не путемъ доказательствъ отъ разума? Итакъ, религія не должна отгонять отъ себя философію, а скорѣе для своихъ же цѣлей ей слѣдуетъ привлечь философію къ себѣ.

Философія и религія не могутъ конкурировать еще и потому, что источники ихъ познанія совершенно различны. Вѣдь философія имѣетъ источникомъ одинъ только „чистый разумъ“. Если намъ возразятъ: почему, если дѣло только за разумомъ, въ философіи до и при Рождествѣ Христовомъ не было такихъ же понятій, чтò теперь, то мы отвѣтимъ, что и философія развивается. Сравнимъ героевъ Гомера съ собою: какаѧ разница между ихъ чувствованіями и нашими! Но какъ развиваются чувства, такъ развивается и разумъ. Культура ранѣе не представляла для разума такихъ объектовъ, какъ теперь. Но дѣло культуры шло впередъ, явились высшіе объекты, народилась и соотвѣтственная философія.

Рѣшимъ теперь второй вопросъ: зачѣмъ изучать *исторію* вообще и исторію философію въ частности? На это замѣтимъ: во первыхъ, только зная исторію, индивидъ можетъ жить жизнью созвательною; во вторыхъ, полезнымъ гражданиномъ человѣкъ можетъ быть лишь при знаніи исторіи. Приступая къ обсужденію какого бы то ни было общественнаго вопроса, мы можемъ только съ помощью исторіи достигнуть правильнаго сужденія. Не зная исторіи предмета, „какъ было дѣло“, мы не знаемъ, какъ и отнестись къ тому или другому явленію.

нію. Итакъ, изученіе исторіи для насъ полезно непосредственно практически, ибо съ ея помощью мы упрачиваемъ свое общественное положеніе.

Далѣе. Обратимся къ исторіи философіи. Какъ существуетъ не одна только религія, такъ есть и не одна философія. Религію мы принимаемъ въ дѣтствѣ, безъ участія нашей собственной воли; вступая въ зрѣлый возрастъ, мы начинаемъ относиться къ ней уже сознательно и дѣлаемъ свой выборъ. Точно также бессознательно и съ дѣтскихъ лѣтъ мы воспринимаемъ и какую-либо извѣстную философію черезъ другія науки, черезъ языкъ и т. д. Вездѣ, въ томъ числѣ и во всѣхъ наукахъ мы находимъ какія-либо философскія партіи. Чтобы судить правильно объ одной партіи, надобно знать всѣ партіи, а такое знаніе доставляетъ намъ исторія философіи. Итакъ, исторію философіи мы изучаемъ для того, чтобы ориентироваться среди философскихъ школъ и умѣть, напр., любую попавшую намъ въ руки книгу причислить къ извѣстному философскому направленію. Если скажутъ, что составитель этой книги (лекція вторая) не задавался философскими задачами, т. е. былъ натурою не философскою, то это — неправда. Всякій образованный человѣкъ употребляетъ массу понятій, въ которыхъ абстрактно выражается его отношеніе къ жизни, его философское направленіе. Всякое образованіе имѣетъ философскую подпочву. Всякая книга есть отпечатокъ такъ называемаго духа времени: а этотъ „духъ времени“ и есть философія соотвѣтственной эпохи. Кто желаетъ опредѣлить духъ какаго-либо времени, тотъ долженъ охарактеризовать философію этого періода. Исторія философіи даетъ намъ возможность, между прочимъ, судить о книгахъ и производить надлежащій выборъ ихъ для чтенія и изученія: какъ при оцѣнкѣ лошадей мы называемъ расу ея (несмотря на то, что всегда есть нѣсколько степеней достоинства въ каждой расѣ), и этимъ приблизительно опредѣляемъ цѣну ло-

шаді, такъ, причисляя книгу къ извѣстному философскому направленію, мы предрѣшаемъ ея оцѣнку. Наше изложеніе исторіи философіи будетъ *аристократично*, т. е. мы будемъ заниматься изученіемъ системъ однихъ только крупныхъ философовъ, опуская мелкихъ. Въ исторической наукѣ есть вообще два направленія: одно (Бэконъ и др.) предполагаетъ, что историческія событія суть результаты совокупности безконечно малыхъ единичныхъ дѣятельностей; въ историческомъ движеніи главную роль играютъ де массы. Другое—аристократическое (Ранке, Карлейль) учитъ, что въ историческомъ процессѣ главная роль принадлежитъ геніямъ. При этомъ нѣтъ надобности отрицать, что также имѣетъ мѣсто и вліяніе окружающихъ обстоятельствъ или среды; но всѣхъ вліяній не было бы достаточно, чтобы произвести событіе, не явись генія: такъ реформація—дѣло Лютера. Первое мнѣніе неудовлетворительно, ибо даетъ просторъ случайности,—простому механическому воздѣйствію, не направляемому разумомъ. По второму—въ мірѣ господствуетъ разумъ; личная воля, субъективный починъ. Человѣкъ по своему образованію всегда—дитя своего вѣка; но главный факторъ въ немъ—субъективный разумъ, реагирующій на воздѣйствія внѣшняго міра. Такъ, извѣстно, что у Шекспира было не мало предшественниковъ, обрабатывавшихъ нерѣдко тѣ же самые сюжеты. Кто же скажетъ, однако, что де его геніальныя драмы—не дѣло его субъективнаго личнаго генія, а просто продуктъ среды, явившійся въ силу независившихъ отъ самого Шекспира обстоятельствъ. Источникъ всѣхъ творческихъ силъ заключается въ ниспосланной отъ Бога природѣ или психической организаціи человѣка. Геній пролагаетъ новые пути. Бисмаркъ единолично воссоединилъ Германію въ одно государство. Исторія наукъ представляетъ также разительные примѣры значенія личности: что было бы съ астрономіею и математикою безъ Ньютона и Лей-

бница? Итакъ, обстоятельства даютъ для нашей дѣятельности только тему или предметъ.

Полное изложеніе всѣхъ данныхъ исторіи философіи было бы уже не философскимъ, а филологическимъ или историко-литературнымъ. Для изученія всесторонняго особенно рекомендую *Rittera* „Исторію христіанской философіи“. Обращаю ваше вниманіе на ошибку въ заглавіи: эпитетъ „христіанская“ долженъ обозначать здѣсь философію, бывшую послѣ Рождества Христова; а мало ли было за это время философскихъ системъ, ничего общаго не имѣвшихъ съ христіанствомъ? Кромѣ того, послѣ Возрожденія вошелъ въ моду греческій языкъ, „изобрѣтеніе дьявола,“ а вмѣстѣ съ нимъ и греческая философія, имѣвшая чрезвычайно большое вліяніе на новыхъ мыслителей, такъ что при объясненіи новыхъ философовъ намъ зачастую придется прибѣгать къ доктринамъ древнегреческимъ.

Конечно, мы будемъ изучать исторію философію критически. Но какіе же будутъ у насъ критеріи? I) Не взять ли намъ критерій *церковно-христіанскій*? Но тогда у насъ получится не философское изученіе, а богословское. Нужно замѣтить, что а) богословіе имѣетъ свою особенную точку зрѣнія на философскія явленія, и б) что есть системы, которыя вовсе отрицали церковь и ея авторитетъ. Справедливо ли будетъ прилагать къ нимъ такой критерій? II) Можно взять критерій, общій съ Риттеромъ. Такъ какъ партійная или полемическая критика, которую приверженецъ другой партіи не станетъ признавать, не годится, то, быть можетъ, удобнѣе взять критеріемъ *общественное мнѣніе*, *allgemeine Meinung*, *opinion publique*. Такое мнѣніе образуетъ какбы выводъ изъ частныхъ мнѣній даннаго времени. Для большинства это — самая высшая точка зрѣнія, своего рода „Св. Духъ“: вѣдь иные менѣе преклоняются предъ предписаніями религіи, чѣмъ предъ модою или общимъ мнѣніемъ. Этотъ критерій неудобенъ, глав-

нымъ образомъ, — тѣмъ, что весьма трудно опредѣлить „общее“ мнѣніе по одному какому-либо специальному, и тѣмъ болѣе философскому вопросу. Неученыхъ и некомпетентныхъ людей считать нечего, а ученые далеко не всегда рѣшаются высказать свое мнѣніе. Рѣшительныя, но не всегда справедливыя мнѣнія высказываются только въ газетныхъ передовицахъ. Какъ же тутъ поступить? Не считать же голоса общимъ плебисцитомъ! Вѣдь люди неравны разумомъ. Одинъ голосъ бываетъ иногда правильнѣе десятка тысячъ голосовъ; одинъ человекъ измѣняетъ подчасъ мнѣнія многихъ тысячъ. До Коперника надъ пифагорейцами смѣялись все, не исключая Аристотеля и Птолемея. Какъ, напр., руководясь общественнымъ мнѣніемъ, рѣшить вопросъ объ историческомъ значеніи реформаціи? Католики будутъ яро отрицать всякую пользу ея, а протестанты станутъ защищать великое значеніе реформаціи въ исторіи западно-европейскихъ народовъ.... Остается III) критерій Тренделенбурга или такъ называемая *имманентная* критика. Въ этомъ случаѣ изыскиваютъ, какую задачу ставилъ себѣ самъ философъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, а затѣмъ опредѣляютъ, насколько каждый философъ выполнилъ эту свою задачу. Такой критерій кажется намъ наиболѣе пригоднымъ и справедливымъ. Для контроля и провѣрки хорошо обращать особенное вниманіе на полемику противниковъ. Всякое замѣчательное произведеніе вызываетъ полемику. А полемизировать начинаютъ лишь тогда, когда замѣчаютъ у противника ошибку, или недочетъ, или внутреннее противорѣчіе. Этими полемическими указаніями задача историка въ пѣкоторыхъ случаяхъ упрощается и облегчается. При оцѣнкѣ какой-либо философской доктрины въ видахъ большаго безпристрастія необходимо пользоваться *сравнительно-критическимъ* методомъ (лекція III). Мы сравниваемъ философа, во первыхъ, съ мыслителями, ему современными, и такимъ образомъ устанавливаемъ его относительную величину, т. е. насколько онъ пре-

восходилъ своихъ современниковъ. Затѣмъ, чтобы опредѣлить, такъ сказать, абсолютное значеніе какого-либо новаго философа, мы сравниваемъ его ученіе съ ученіемъ греческихъ философовъ; тогда мы видимъ, далеко ли онъ ушелъ отъ нихъ. Вѣдь у грековъ имѣлись уже всѣ существующія нынѣ ученія, хотя нѣкоторыя и въ зачаточномъ состояніи. Вся новая философія испытала, напр., величайшее вліяніе со стороны Аристотеля: безъ него не было бы догматики, патристики, схоластики. Такимъ образомъ для всякой доктрины мы получаемъ генетическое объясненіе. Мы можемъ прослѣдить возникновеніе и развитіе всякаго понятія, мы можемъ изобразить „исторію понятій“. Посредствомъ сравненія же мы можемъ подмѣтить односторонность въ дѣлѣ философіи, проявляющуюся иногда у нѣкоторыхъ народовъ: въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ одинъ народъ занимается излюбленною философскою дисциплиною (какъ англичане—моралью).

Наконецъ *четвертымъ*, тоже важнымъ критеріемъ будетъ наше собственное мнѣніе. При всякомъ обсужденіи мы въ значительной степени руководствуемся собственнымъ вкусомъ, т. е. тѣмъ, правится ли намъ извѣстное положеніе. Эта субъективная точка зрѣнія не всегда вѣрна, но неизбежна. Ею объясняется тотъ странный, повидимому, фактъ, что иногда и докажешь, а не убѣдишь. Относится къ философіи безъ всякаго чувства, съ однимъ разумомъ—граничило бы съ полнымъ безразличіемъ: т. е. мы тогда не *интересовались бы* философіею. Чувство придаетъ изученію философіи особый личный, индивидуальный интересъ.

Кромѣ обязательныхъ и публичныхъ курсовъ, Тейхмюллеръ читалъ въ университетѣ же по вечерамъ (7—8) и спеціальныя, необязательныя курсы—для слушателей, ближе интересующихся философіею. На этихъ лекціяхъ бывало народу

меньше, но всетаки обыкновенно не меньше человекъ 15—20. Таки курсы обыкновенно посвящались тѣмъ вопросамъ и дисциплинамъ, которые въ данный моментъ интересовали самого Тейхмюллера, и о которыхъ онъ подготавливалъ сочиненіе. Таки образомъ я слушалъ въ числѣ этихъ курсовъ между прочимъ „философію христіанства“ (съ разборомъ и критикою *Евангелій*) и „философію исторіи“.

Третій разрядъ лекцій Тейхмюллера состоялъ въ его практическихъ занятіяхъ—у себя на дому, обыкновенно по текстамъ Аристотеля (иногда Платона), а именно, самыхъ труднѣйшихъ мѣстъ, напр., „Метафизики“ и „Физики“, или „Парменида.“ Тейхмюллеръ строго поддерживалъ тренделенбургскую традицію и ни одного семестра не оставлялъ безъ *Aristotelisches Practicum* (эту традицію, къ слову сказать, и я лично до сихъ поръ поддерживалъ за все время моей преподавательной дѣятельности). Далѣе, когда эти практическія занятія посвящались другимъ предметамъ, напр., философскому коллоквиуму, образовывался четвертый разрядъ философскихъ занятій—по аристотелевымъ текстамъ для наиболѣе подготовленныхъ. Практическія занятія велись Тейхмюллеромъ на дому обыкновенно по субботамъ съ 5—7. Участники этихъ вечеровъ, навѣрное, не разъ съ восхищеніемъ вспоминаютъ объ нихъ и о нашемъ учителѣ, за сѣдавшимъ посреди насъ у того же передливаннаго стола въ залѣ съ сигарою или длинною трубкой въ рукахъ. Напряженныя занятія смѣнялись иногда непринужденною бесѣдою о постороннихъ предметахъ, особенно въ серединѣ, когда подавался чай или кофе. Всякій велъ себя непринужденно, высказывался весь, безъ заднихъ мыслей.

Какое чувство всего естественнѣе вызывается въ насъ образомъ нашего любимаго умершаго учителя? Сожалѣніе объ его утратѣ, сожалѣніе о томъ, что пользовался его уроками гораздо меньше времени, чѣмъ хотѣлось бы. Это чувство я неоднократно испытывалъ, стоя на старомъ нѣмецкомъ клад-

бищѣ въ Юрьевѣ у маленькой могилы, почти закрытой деревьями, надъ которой водруженъ простой полированный мраморный крестъ—съ незатѣйливою, но многознаменательною надписью: *Gustav Teichmüller. 1832—1888.*

Ниже мы приводимъ списокъ сочиненій и статей Г. Тейхмюллера. Замѣтимъ, что многое еще не издано и хранится въ рукописи у дѣтей покойнаго. Биографическій очеркъ его составленъ моимъ товарищемъ *В. Ф. Лютославскимъ* и помѣщенъ въ *Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft* begründet von Conrad Bursian herausgegeben von Iwan v. Müller, ord. öffentl. Prof. der classischen Philologie an der Universität Erlangen. Siebenundfünfzigster Band. Bibliotheca philologica classica 1889.—Biographisches Jahrbuch 1888.—Anzeigebblatt. Berlin. 1890 (Verlag von S. Calvary и С° W. Unter den Linden 17).—Biographisches Jahrbuch. (Gustav Teichmüller) с. 13—14.

Списокъ сочиненій и статей Г. Тейхмюллера.

- 1) Die Aristotelische Eintheilung der Verfassungsformen. St. Petersburg, 1859.
- 2) Die Einheit der Aristotelischen Eudämonie. St. Petersburg, 1859.
- 3) Zur Frage über die Reihenfolge der Bücher in der Aristotelischen Politik (im *Philologus* 1860, 4, S. 164 ff.).
- 4) Aristotelische Forschungen. Bd. I. Beiträge zur Erklärung der Poëtik des Aristoteles. Breslau 1867.
- 5) Ueber die Differenz von Tragödie und Epos bei Aristoteles (in den *Verh. deutsch. Phil. und Schulm. in Halle*. October 1867 S. 48 ff.)
- 6) Aristotelische Forschungen. Bd. II. Aristoteles' Philosophie der Kunst. Breslau 1869.
- 7) Aristotelische Forschungen. Bd. III. Geschichte des Begriffs der Parusie. Breslau 1873.

- 8) Die Unsterblichkeit der Seele. Leipzig 1874 u II. A. 1879.
- 9) Studien zur Geschichte der Begriffe, 667, IX S. Frankfurt a. M. 1874.
- 10) Ungedruckte Briefe von Kant und Fichte (Z. f. Ph. u. ph. Kr. 1874.)
- 11) Ueber den Ursprung des Terminus *ε'παγωγή* (im Philologus 1875 S. 567.)
12. Die Platonische Frage, eine Streitschrift gegen Zeller. Breslau 1876.
- 13) Neue Studien zur Geschichte der Begriffe. 3 Bde. Breslau 1876—1879.
- 14) Der Begriff des Raumes bei Lucrez (Rhein. Mus. 1877. S. 309 ff.).
- 15) Frauenemancipation. Leipzig 1877.
- 16) Darwinismus und Philosophie. Leipzig 1877.
- 17) Wahrheitsgetreuer Bericht über meine Reise in den Himmel, von Immanuel Kant. Breslau 1877.
- 18) Die Gemäldeausstellung in Dorpat: Ueber Landschaftsmalerei. Neue Dörptsche Zeitung, Januar 1878.
- 19) Zur Pädagogik der Elementarschulen. Baltische Monatsschrift 1878.
- 20) Pädagogische Fragen. Baltische Monatsschrift. 1879.
- 21) Charakteristik der Araber. Baltische Monatsschrift 1879.
- 22) Die Reihenfolge der Platonischen Dialoge. Leipzig 1879.
- 23) Das Wesen der Liebe. Leipzig. 1880.
- 24) Pädagogisches. Leipzig 1881.
- 25) Ueber *ε'παναγωγή* und *ε'παγωγή*, *ε'παναφέρειν* und *ε'πιφέρειν*. Philologus 1881.
- 26) Literarische Fehden im IV. Jahrh. v. Chr. Breslau 1881.
- 27) Zur Erwiderung (auf eine anonyme Recension der L. F.) Philol. Rundschau, II. Jahrg. 1882 S. 958.

28) Die wirkliche und die scheinbare Welt. Neue Grundlegung der Metaphysik. Breslau 1882.

29) Ueber den Ursprung des Bewusstseins (Z. f. Ph. u. Kr. 1883).

30) Literarische Fehden im IV. Jahrh. v. Chr. II. Bd. Breslau 1884.

31) Religionsphilosophie. Breslau 1886.

Рецензии и Selbstanzeigen.

32) Thilo. Die theologisirende Rechts- und Staatslehre. Gött. gel. Anz. 1862. S. 131.

33) Trendelenburg. Naturrecht. Gött. gel. Anz. 1863.

34) Piderit. Gehirn und Geist. Gött. gel. Anz. 1864. S. 1154.

35) Hanne. Bekenntnisse oder drei Bücher vom Glauben. Allg. kirchl. Zeitschrift, 1865. S. 143.

36) Taine. Les philosophes français. Gött. gel. Anz. 1866. S. 401.

37) Teichmüller. Aristotelische Forschungen, I. Selbstanzeige. Gött. gel. Anz. 1866. S. 1935.

38) Eucken. De dicendi ratione. Gött. gel. Anz. 1866. S. 2027.

39) Trendelenburg. Historische Beiträge, III. Gött. gel. Anz. 1869. S. 1841.

40) Teichmüller. Geschichte des Begriffs der Parusie. Gött. gel. Anz. 1872. S. 2049.

41) Teichmüller. Studien zur Geschichte der Begriffe. Gött. gel. Anz. 1874. S. 1157.

42) Harms. Begriff der Psychologie. Gött. gel. Anz. 1875. S. 402.

43) Ritter und Preller. Historia philosophiae graec. et roman. Gött. gel. Anz. 1875. S. 1185.

44) Bywater. Heraclit. Gött. gel. Anz. 1877. S. 825.

- 45) Teichmüller. Ueber die Reihenfolge der Platon. Dialoge. Gött. gel. Anz. 1879. S. 1313.
- 46) Tocco. Ricerche Platoniche. Gött. gel. Anz. 1880. S. 257.
- 47) Tannery. Thales et ses emprunts à l'Égypte. Gött. gel. Anz. 1880. S. 1063.
- 48) Porter. Physiological Metaphysics. Gött. gel. Anz. 1880. S. 1139.
- 49) Ritter. Dr. B. Die Grundprincipien der Aristotelischen Seelenlehre. Phil. Rundsch. 1880. S. 98.
- 50) Mettig. Katharina von Siebenbürgen. Lit. Centr. Mai 1880.
- 51) Sillén. Platonis de antiquissima philosophia testimonia. Phil. Rundschau 1882. S. 45.
- 52) Friesendorff. Grundriss der Unterrichtslehre. Rigasche Zeitung, April 1883.
- 53) Lutostawski. Erhaltung und Untergang der Staatsverfassungen nach Plato, Aristoteles und Machiavelli. Lit. Centr. 1888. April.

Посмертные труды.

- 54) Neue Grundlegung der Psychologie und Logik, herausgegeben von J. Ohse. Breslau. 1889.
- 55) „Трактатъ о Богѣ и мірѣ“—напечатанъ въ „приложеніяхъ“ къ сочиненію Я. Θ. Осе: „Проективизмъ и персонализмъ въ метафизикѣ Лопце“. 1896, стр. 462—467.

Биографическій очеркъ Г. Тейхмюллера былъ мною помещенъ: а) въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“ за 1888 г. № 137 отъ 20 мая (некрологъ), б) въ моей книгѣ „О понятіи искусства,“ стр. 16—23, и с) въ качествѣ послѣсловія-прибавленія къ редактированному мною переводу сочиненія Тейхмюллера „Безсмертіе души“, стр. 198—200.